

Девушка с яблоками

Август 1942 года. Петрков, Польша.

В то утро небо было мрачным, пока мы с нетерпением ждали. Всех мужчин, женщин и детей еврейского гетто Петркова согнали на площадь. Ходили слухи, что нас перевозят. Мой отец только недавно умер от тифа, который распространился по переполненному гетто. Больше всего я боялся, что нашу семью разлучат.

– Чтобы ты ни делал, – прошептал мне мой старший брат Исидор, – не говори им своего возраста. Скажем, тебе шестнадцать.

Я был высоким для мальчика одиннадцати лет, так что я мог обмануть их. Таким образом, я мог бы считаться ценным работником.

Ко мне подошёл эсэсовец, цокая сапогами по булыжнику... Он осмотрел меня с ног до головы, а потом спросил, сколько мне лет. „Шестнадцать”, – сказал я. Он направил меня налево, где уже стояли мои три брата и другие здоровые молодые люди. Нашу мать послали направо вместе с другими женщинами, детьми, больными и пожилыми людьми.

Я прошептал Исидору: „Почему?” Он не ответил. Я подбежал к маме и сказал, что хочу остаться с ней.

– Нет, – строго ответила она. Уходи. Не мешай. Иди со своими братьями.

Она никогда раньше не говорила так резко. Но я понял: она меня защищала. Она так меня любила, что на этот раз сделала вид, что не любит. Это был последний раз, когда я её видел.

Меня и моих братьев перевезли в вагоне для перевозки скота в Германию. Однажды ночью мы прибыли в концлагерь Бухенвальд, и нас отвели в переполненный барак. На следующий день нам выдали форму и идентификационные номера.

– Меня больше не зовут Германом, – сказал я своим братьям. – Меня зовут 94983.

Меня отправили работать в крематорий лагеря, загружать мёртвых в лифт с ручным управлением. Я тоже чувствовал себя мёртвым. Я перестал быть человеком, я стал числом. Вскоре нас с братьями отправили в Шлибен, один из лагерей под Берлином.

Однажды утром мне показалось, что я слышу голос матери.

– Сынок, – сказала она мягко, но ясно, – я пошлю тебе ангела.

Я проснулся. Это был просто сон. Прекрасный сон. Но в этом месте не могло быть ангелов. Осталась только работа. И голод. И страх.

Пару дней спустя я гулял вокруг лагеря, вокруг бараков, возле забора из колючей проволоки, где охранники не могли меня видеть. Я был один. Я заметил по ту сторону забора маленькую девочку с лёгкими, почти светящимися кудрями. Она была наполовину скрыта за берёзой. Я огляделась, чтобы убедиться, что меня никто не видит. Я тихо позвал её по-немецки:

– У тебя есть что-нибудь поесть? – Она не поняла.

Я медленно подошёл к забору и повторил вопрос по-польски. Она шагнула вперёд. Я был худым и измождённым, мои ноги были обёрнуты тряпками, но девушка не выглядела испуганной. В её глазах я увидел жизнь. Она вытащила из шерстяной куртки яблоко и бросила через забор. Я схватил плод и, когда я начал убегать, я услышал, как она тихо сказала: „Увидимся завтра”.

Я возвращался на одно и то же место у забора каждый день в одно и то же время. Она всегда была рядом и приносила мне что-нибудь поесть – кусок хлеба или, ещё лучше, яблоко. Мы не осмеливались говорить или задерживаться. Быть пойманным означало бы смерть для нас обоих. Я ничего о ней не знал, просто добрая фермерская девочка, кроме того, что она понимала по-польски. Как её звали? Почему она рисковала жизнью ради меня? Надежды было так мало, и эта девушка по ту сторону забора дала мне нечто, ещё более питательное, чем хлеб и яблоки.

Почти семь месяцев спустя я узнал, что нас переводят в другой лагерь.

– Не приходи больше, – сказал я девушке в тот день. – Нас увозят.

Я повернулся к баракам и пошёл, не оглядываясь, даже не попрощался с маленькой девочкой, имя которой я так и не узнал. Девочкой с яблоками.

В этот же день меня с братьями затолкали в угольную машину и отправили в лагерь Терезиенштадт в Чехословакии.

Мы были в Терезиенштадте три месяца. Война подходила к концу, союзные войска приближались, но моя судьба казалась предопределённой. 10 мая 1945 года я должен был умереть в газовой камере в 10 часов утра. В тишине рассвета я попытался подготовиться. Столько раз казалось, что смерть готова забрать меня, но каким-то образом я выжил. Теперь всё было кончено. Я думал о своих родителях. По крайней мере, думал я, мы воссоединимся.

Но в 8 утра поднялась суматоха. Я слышал крики и видел, как люди бегают по лагерю во все стороны. Русские войска освободили лагерь! Ворота распахнулись. Все бежали, я тоже. Удивительно, но все мои братья выжили, не знаю как.

Я знал, что девушка с яблоками была ключом к моему выживанию. В месте, где зло казалось торжеством, доброта одного человека спасла мне жизнь, дала мне надежду там, где её не было. Моя мать обещала прислать мне ангела, и ангел пришёл.

В конце концов, я добрался до Англии, где меня спонсировала еврейская благотворительная организация, и я поселился в общежитии с другими мальчиками, пережившими Холокост и обучавшимися электронике. Потом я приехал в Америку, куда уже переехал мой брат Сэм. Я служил в армии США во время Корейской войны и вернулся в Нью-Йорк через два года.

К августу 1957 года я открыл собственную мастерскую по ремонту электроники. Я начинал осваиваться.

Однажды мне позвонил мой друг Сид, которого я знал по Англии.

– У меня свидание. У неё есть польская подруга. Пусть это будет девушка для тебя.

Свидание вслепую? Нет, это не для меня. Но Сид продолжал настаивать ... и через несколько дней мы направились в Бронкс, за его девушкой и её подругой Ромой.

Я вынужден был признать, что для свидания вслепую это было не так уж и плохо. Рома работала медсестрой в больнице Бронкса. Она была добра и умна. К тому же она была красива, с вьющимися каштановыми кудрями и зелёными миндалевидными очень живыми глазами. Мы вчетвером поехали на Кони-Айленд. С Ромой было легко разговаривать, легко общаться. Оказалось, она тоже боялась свиданий вслепую! Мы оба пришли, только чтобы помочь нашим друзьям. Мы прогулялись по променаду, наслаждаясь солёным атлантическим бризом, а затем пообедали на берегу. Я не помнил, чтобы когда-нибудь мне было так хорошо. В машине Сиды, мы с Ромой делили заднее сиденье.

Как европейские евреи, пережившие войну, мы знали, что между нами многое осталось недосказанным. Начала она:

– Где вы были, – мягко спросила, – во время войны?

– Лагеря, – сказал я. – Ужасные воспоминания всё ещё живы, невозполнимые потери ... Я пытался забыть. Но это никогда не забудется.

Она кивнула.

– Моя семья пряталась на ферме в Германии, недалеко от Берлина, – сказала она мне. – Мой отец знал священника, и тот принёс нам арийские документы.

Я представил, как она, должно быть, тоже страдала, страх – постоянный спутник. И всё же мы оба остались в живых, и теперь в новом мире.

– Рядом с фермой был лагерь, – продолжала Рома. – Я видела там мальчика, и каждый день бросала ему яблоки.

Какое удивительное совпадение, что она помогла другому мальчику.

– Как он выглядел? – спросил я.

– Он был высоким, худым и голодным. Я видела его каждый день в течение шести месяцев.

Моё сердце колотилось. Я не мог в это поверить. Этого не могло быть.

– Он сказал вам однажды не возвращаться, потому что уезжает из Шлибена?

Рома с удивлением посмотрела на меня:

– Да!

– Это был я!!!

Я был готов взорваться от переполнявшей меня радости. Я не мог в это поверить! Она – мой ангел!

– Я не позволю тебе исчезнуть! – сказал я Роме.

И там, на заднем сиденье машины, на том свидании вслепую я сделал ей предложение. Я не хотел ждать!!!

– Ты больной! – сказала она.

Но пригласила меня на субботний ужин на следующей неделе познакомиться с её родителями.

Я так много хотел узнать о Роме, но самое важное, что я всегда знал: её стойкость, её доброта. В течение многих месяцев, в тех ужасных обстоятельствах, она приходила к забору и давала мне надежду. Теперь, когда я снова нашёл её, я не мог её потерять.

В тот день она сказала мне „да”. И я сдержал своё слово. После почти 50 лет брака, двух детей и трёх внуков я никогда не отпускал её от себя.

Герман РОЗЕНБЛАТ из Майами-Бич, Флорида.